

В. Вундт

ПСИХОЛОГИЯ В БОРЬБЕ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ *

Предисловие

Возможно, что человек, перелиставши первые главы настоящего сочинения, будет склонен усмотреть в ней работу полемическую. Но кто решится дочитать все до конца, тот убедится, что скорее автор приходит с пальмой мира в руках. По мнению некоторых философов и психологов, между философией и психологией необходим развод. Но когда какая-нибудь супружеская пара разводится, то виновными являются обыкновенно, как известно, обе стороны. Задача настоящего сочинения показать, что и настоящий случай не составляет исключения из этого общего правила и что, когда развод этот осуществится, то философия больше потеряет, чем выиграет, а психологии будет нанесен очень сильный удар. Таким образом, борьба вокруг вопроса, есть ли психология философская наука или нет, является для нее борьбой за самое ее существование.

Лейпциг. Февраль, 1913

I

С некоторого времени наблюдается большое оживление в философском и, в частности, академическом мире. Философия и психология желают развестись. Что развестись пора, в этом согласны, по-видимому, обе стороны. Экспериментальная психология, говорят, развилась в самостоятельную частную науку; необходимо поэтому,

* Впервые перевод был опубликован в сборнике «Новые идеи в философии. Сборник номер 10» (1913). Текст приведен в соответствие с современной орфографией. – *Примеч. ред.*

чтобы и эта частная дисциплина отделилась от своей матери-науки, т. е. философии, как в эпоху Возрождения от нее отделилось большинство других частных дисциплин. Правда, дал толчок этому движению, главным образом, один частный случай, а именно, приглашение психолога на кафедру, до тех пор занимаемую чистым философом; и возможно, что первоначально причиной возникшей агитации была не столько общая тенденция к разделению этих двух областей, сколько скорее желание видеть на данной кафедре не то лицо, которому она была предложена, а определенное другое лицо. Но после того, как это произошло, вопрос, сначала частный, получил значение принципиального, и стремлению исключительных философов сделать кафедры философии недоступными для психологов пришлось на помощь требование исключительных психологов, чтобы психологии было отведено в наших университетах место самостоятельной ученой дисциплины. Таким образом, обе стороны, философы и психологи, сошлись на мысли о самостоятельности психологии как науки.

Но общеизвестно, что когда двое делают одно и то же, то не всегда одно и то же и выходит. Действительно, если присмотреться к тому, как высказываются обе стороны, как будто бы согласные между собой, то не трудно заметить, что мотивы, которыми они руководствуются, существенно различны. Философы, очевидно, чувствуют некоторую угрозу самому своему существованию: чем менее им симпатичны новейшие психологические методы исследования, как лежащие вне кругозора собственной их работы, тем более они склонны видеть в представителях экспериментальной психологии чужаков, наносящих известный ущерб как преподаванию самой философии, так и начинающим доцентам чистой философии. Они с жаром провозглашают поэтому самостоятельность экспериментальной психологии и даже рекомендуют правительствам ее, как таковую; но центральным в их желаниях является все же требование отрицательного характера: вон психологию из философии!

Другое дело – психологи, которые впрямь хотят быть только психологами и по должности свободными от занятия остальной философией. Их действительно заботит самостоятельность психологии как науки. Они поэтому не только выдвигают своеобразие методов и вспомогательных средств, как и подготовки, необходимой в настоящее время для психолога и не оставляющей ему ни времени, ни возможности удовлетворить еще и другим требованиям, которые ставит занятие философией. Они заявляют, что ввиду все возрастающего значения, которое психология приобретает для практических целей

самых различных наук, безусловно необходимо значительно расширить существующие в настоящее время рамки для лекций и курсов по психологии. Пусть психология, говорят они, остается, как до сих пор, предметом философского факультета, но изучение ее должно быть объявлено до известной степени обязательным и для студентов других факультетов, в особенности медиков; следует, например, включить психологию ввиду ее важности для психиатрии и патологии нервной системы в круг предметов испытаний для врачей. Но при такой расширенной задаче одновременное преподавание и других философских предметов уже невозможно. Экспериментальная психология поглощает всего человека, требовать же от него работы в областях психологической и философской было бы невозможным обременением для него. Здесь, следовательно, провозглашается обратный девиз: вон философию из психологии!

Но удивительно следующее: в спорах по этому вопросу, в которых обе стороны, хотя и из противоположных мотивов, так сходятся, как будто в провозглашении психологии самостоятельной частной дисциплиной – один вопрос, который, казалось бы, важнее всех других, едва-едва только затрагивается. Мы имеем ввиду вопрос о том, в какой мере психолог вообще может обойтись без философии, и не нуждается ли он скорее всегда, когда он хочет углубиться в собственные свои проблемы, в помощи философских рассуждений, которые тогда только имеют для него известную цену, когда они получены собственной самостоятельной работой. Вот этому основному вопросу, едва затронутому, насколько мне удалось заметить в этом споре, и будет посвящена наша работа. Но раньше мне представляется необходимым ближе рассмотреть самые важные, как открыто провозглашенные, так очевидные, но скрываемые мотивы философов и психологов, столь согласно требующих развода.

II

Дадим сначала слово философии, как старшей науке. Я совсем не буду останавливаться на том частном случае, который дал первый толчок к [...] жению в философских кругах, так как здесь главную роль, как уже сказано, играли мотивы не принципиальные, а личные. В настоящее время, как об этом заявляют в специально выпущенном заявлении виднейшие представители философии, вопрос ставится в чисто принципиальном своем виде. В записке, приложенной к этому заявлению, высказывается, кроме того, намерение ознакомить с ним

не только немецкие правительства, но – через печать – и широкие круги публики, чтобы всем стала ясна опасность, угрожающая философскому преподаванию со стороны экспериментальной психологии. Я считаю себя, поэтому, в праве усматривать в содержании этого заявления точное выражение взглядов подписавших его.

Среди приведенных мотивов видное место занимает живой интерес к развитию экспериментальной психологии и забота о ее развитии в будущем, не стесненном более необходимостью ее для представителей заниматься преподаванием философии. Но трудно все же отделаться от впечатления, что выдвигание этого мотива скорее означает *Carpatio benevolential* читателя, а вовсе не выдвигается действительно авторами заявления.

Я, конечно, ничуть не сомневаюсь, что некоторые отдельные лица действительно серьезно озабочены были интересами психологии. Но что касается других, то трудно отказаться от желания сопоставить эту высокую оценку психологии, сделанную в этом заявлении, с другими оценками их этой науки, сделанными в других местах. Так, например, один превосходный историк философии как-то заметил, что для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой. Такое заявление не очень-то гармонирует с той участливой заботой о судьбе экспериментальной психологии, которой проникнуто упомянутое выше заявление. Я вовсе не желаю, однако, поставить эти и подобные им противоречия в особую вину авторам заявления. Подобного рода документы всегда представляют собой компромиссы, в которых отдельные участники вынуждены до известной степени ограничить собственное свое мнение, чтобы привести его в соответствие с мнениями остальных. При всем том нам придется допустить, что не забота о судьбе экспериментальной психологии одушевляла авторов заявления. Выразилось же это достаточно ясно и в том факте, что авторы заявления жалуются, главным образом, на вред, причиненный преподаванию философии претензией психологов на философские кафедры. Вместо того, чтобы увеличивать число профессоров философии, как этого требует усилившийся в настоящее время интерес к философии, как и необходимость в достаточной мере обслуживать различные области философии, уменьшают их число, предоставляя философские кафедры психологам, которые при современном состоянии науки вообще не могут быть признаны пред-

ставителями философии. И здесь я не могу, однако, умолчать о том, что мотивировка эта не совсем гармонирует с поведением некоторых отдельных лиц из числа авторов заявления. Есть в настоящее время еще немало видных университетов, довольствующихся одним только ординарным профессором философии; и профессора, занимающие здесь кафедру, по-видимому, вовсе не видят нужды в том, чтобы были представлены и другие направления, кроме того, которому они принадлежат. А между тем ввиду все возрастающего в настоящее время значения философского преподавания, на что вполне основательно указывают также и авторы заявления, этот пробел столь очевиден, что ни одно правительство, буде такое указание ему было бы сделано, не могло бы не согласиться с необходимостью увеличения числа философских кафедр.

Но пройдем мимо этого противоречия между мыслью и действием, вовсе не редким, как известно, и в академических кругах. Остается еще другой пункт заявления, носящий более теоретический характер и отчасти стоящий в противоречии с принципами авторов заявления, высказанными в другом месте. В этом заявлении требуется исключительно устранение из учебного плана философии экспериментальной психологии. Такое требование может иметь различный смысл, что не должно было бы иметь место в заявлении столь важного содержания. Значит ли это, что при современном состоянии науки только экспериментальная психология вообще может быть названа психологией? Сторонника этой дисциплины могло бы только обрадовать такое толкование. Но хотя я и сам принадлежу к этим сторонникам, я все же не могу не усмотреть в таком взгляде известное преувеличение, противоречащее фактическому положению вещей. Я не говорю уже о том, что некоторые области психологии, ревностно разрабатываемые именно в настоящее время, каковы детская психология и психология животных, только отчасти доступны изучению при помощи экспериментального метода. Есть, однако, как известно, большая область эмпирико-психологических задач, совершенно недоступная этому методу: мы имеем ввиду психологию народов. Разве философам неизвестно существование этой области? Или, может быть, они хотят сохранить ее за собой? Или они считают ее настолько маловажной, что о ней рядом с экспериментальной психологией и упоминать не приходится? Но допустим даже, что о психологии народов здесь не упомянуто потому, что ей не удалось еще занять такое место в академическом преподавании, какое заняла экспериментальная психология. Тогда остается открытым другой вопрос: полагают ли филосо-

фы, что можно изучать психологию, разрабатывать психологические проблемы и с другой какой-нибудь точки зрения, кроме экспериментальной? Я склонен думать, что большинство подписавших воззвание ответит на этот вопрос безусловно утвердительно. Во всяком случае, есть немало философов, защищающих такой взгляд на психологию как в преподавании, так и в научных своих исследованиях, и я не могу поверить, чтобы именно философы стали оспаривать право на существование за этим направлением в психологии в защиту психологии экспериментальной. Таким образом, совершенно ясно следующее: дело здесь не в том, чтобы исключить из цикла философских предметов психологию вообще, а исключение должно коснуться только тех психологов, которые являются последователями экспериментальных методов психологии.

Может явиться такое представление, будто речь идет здесь о таком разделении, какое произошло, как известно, в психологии XVIII столетия между рациональной и эмпирической психологией. Философам досталась бы тогда рациональная, а экспериментальным психологам – эмпирическая часть. Я не могу, однако, допустить, чтобы хотя бы одному современному философу пришла в голову такая мысль. Слишком жива еще в нашей памяти критика, которой подверг когда-то рациональную психологию Кант, чтобы такая мысль могла прийти в голову даже тем из современных философов, которые и не принадлежат к кантианцам. Если это так, если и сторонники философской психологии не менее других настаивают на эмпирическом изучении душевной жизни, то ясно, что здесь вообще не может быть и речи о принципиальном разделении наук. Не эмпирических психологов, как таковых, хотят удалить из философии, а только тех из них, которые пользуются в качестве вспомогательного средства экспериментом. Коротко говоря: в философии нет места экспериментам. Кто же этим занимается, тот теряет право относить себя к философам. Либо пусть он воздержится от этого метода, либо пусть очистит место другим, работа которых не связана с потерей своего права относить себя к чистым философам.

Если же принять в соображение одно только то «значение», которое может иметь, за исключением всех других возможных значений, выражение «экспериментальная психология» в заявлении философов, то все дело получает совсем другой вид, чем это могло казаться на основании благосклонных слов заявления относительно этого нового направления. Если самостоятельной, независимой от философии дисциплиной должна быть провозглашена не психология вообще и даже

не эмпирическая психология, а только та психология, которая пользуется в качестве вспомогательного средства экспериментом, то вполне очевидно, что непримирим с званием философа именно только эксперимент. И здесь опять-таки нельзя не вспомнить не очень-то благосклонные выражения, в которых исторически известные философы отзывались об экспериментирующих философах. Выражения эти ясно показывают, что методы исследования, не лишённые в значительной своей части и технического характера, слишком чужды философии и ниже ее высоких целей, чтобы философия могла примириться с ними. Если несколько более осветить мысль, дремлющую лишь в темном мире подсознания, то кратко и резко она гласит так: экспериментирование есть банальное искусство: экспериментальный психолог есть в лучшем случае научно образованный ремесленник, а ремесленникам нет места среди философов.

Я, конечно, не думаю, что таков взгляд всех или даже только большинства подписавших заявление. Но что у некоторых из них он преобладает, не трудно, мне кажется, доказать документально, а в том, что у других он, по меньшей мере, слабо чувствуется, не найдет ничего невероятного всякий психолог; для этого вовсе не нужно быть даже экспериментальным психологом, а достаточно быть психологом-практиком. Но если мы и оставим в стороне этот мотив, то последним приведенным в заявлении аргументом остается только то, что экспериментальная работа слишком захватывает всего человека так, что у него не остается достаточно времени для участия в философском преподавании. Но вряд ли кто-нибудь будет спорить против того, что в этом вопросе вряд ли можно признать компетентными философов, которые сами никогда экспериментальными работами не занимались. Трудно, впрочем, допустить, что авторы заявления сослались на этот мотив, не имея на то никаких оснований. Следует поэтому думать, что они основывались на свидетельствах самих представителей экспериментальной психологии. Будет поэтому целесообразно осветить этот пункт только в связи с требованиями, выдвинутыми со стороны психологов.

III

В общем экспериментальные психологи выдвигают, конечно, совершенно другие по существу аргументы, чем те философы, с которыми их объединяют требования размежевания областей. Здесь на первом плане стоит не столько сама психология, сколько

скорее необходимость основательной психологической подготовки для представителей других научных дисциплин. За последнее время это особенно часто выдвигалось в отношении медицины, между тем как на других факультетах, юридическом или теологическом, например, недостаток этот – ввиду общего гуманитарного образования их учащихся – менее сильно чувствуется. Я совсем не могу согласиться с этим взглядом, и со мной согласятся, я думаю, все те ученые, которые за последнее время подробнее занимались вопросами так называемой психологии высказываний, т. е. поразительными заблуждениями и ошибками памяти у свидетелей и порой еще более поразительным доверием, которое эти показания находят у наших судей. Далее, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что и теологам нужно было бы более основательное психологическое образование как для теоретических их исследований, так и для практической их работы. Но всякий человек рассматривает все эти вопросы с точки зрения, наиболее ему близкой. Я ограничусь поэтому вопросом о том, в какой мере нуждаются в психологической подготовке медики, так как именно этот вопрос в настоящее время особенно горячо обсуждается. Здесь мне остается только охотно согласиться с тем, что основательное психологическое образование желательно для каждого врача и в особенности необходимо для психиатра и врача по нервным болезням. Не следует, конечно, забывать, что необходимость эта в психологическом образовании в двух этих случаях весьма различна. В этом вопросе я считаю себя несколько более беспристрастным, чем психологи, работающие только в своей лаборатории, ибо я сам некогда прошел через все различные стадии врачебной профессии и имел случай видеть и таких врачей, которые были превосходными практическими психологами, и таких, которые были очень плохими психологами. Кто-то вполне правильно сказал, что гениальным врачом, как гениальным поэтом, можно только родиться. Отсюда, разумеется, вовсе не следует, что тот или другой из них ничему учиться не должен. Я даже думаю, что значительная часть задатков гениального врача вовсе не находится в связи с его специальными медицинскими познаниями, а она заключается в той практической психологии, которая, подобно всяким другим гениальным задаткам, отчасти является прирожденной, отчасти приобретается упражнением. И пред кем же более богатое поле практических психологических наблюдений, чем перед врачом, и кому же приходится наблюдать человека при более благоприятных условиях, чем ему, наблюдающему человека при таких обстоятельствах, когда падают все завесы, которые человеческие отношения набрасывают

в повседневной жизни на все интимное человека. Конечно, и это дарование опытного врача, подобное интуиции пророка, может быть усилено психологическими исследованиями – как везде теория может быть полезна практике, – но безусловно необходимыми их признать нельзя. Более того, научная психология вряд ли более необходима в сущности врачу-практику, как желательное дополнение к его общему образованию, чем представителям других ученых профессий.

Другое дело, разумеется, психиатрия и патология нервной системы, которые, впрочем, представляют собой, как известно, собственно, одну лишь область. Если оставить в стороне случаи, захватывающие и другие области патологии, где психическая сторона функций нервной системы отступает на задний план, то психиатра можно назвать и врачом по нервным болезням, имеющим в своем заведывании клинику, а врача по нервным болезням – назвать психиатром, не имеющим таковой и заполняющим этот дефект лечением и таких нервных болезней, которые не связаны с глубокими психическими нарушениями. Что профессиональное занятие психиатрией предполагает основательную психологическую подготовку, стало в настоящее время общим местом, после того, как подготовительная эра современной научной психиатрии, усмотревшей в анатомии мозга не только последнюю, но – за отсутствием не существующей еще пока физиологии мозга – единственную основу психиатрии, в общем и целом стала уступать свое место более высокой оценке психической стороны функциональных нарушений. С этой точки зрения основательная психологическая подготовка в такой же мере необходима психиатру, в какой, наоборот, более глубокое психологическое изучение и анализ душевных нарушений могут стать ценным вспомогательным средством для психологии нормальной душевной жизни; все это в такой мере очевидно, что много останавливаться на этом не стоит. Но не менее ясно и то, что этот вывод вовсе нельзя распространить на всю остальную медицину. Психиатрия представляет собой, как известно, ту часть ее, которая как на практике, так и в академическом преподавании наиболее полно отделилась от остальной медицины, став самостоятельной дисциплиной. Ни один психиатр не решится в настоящее время читать лекции по другим специальностям, или заниматься практикой вне своей специальности. И, наоборот, ни один добросовестный врач, не будучи психиатром, не станет лечить душевнобольного, а отошлет его к специалисту.

Поэтому если экспериментальные психологи требуют законченного психологического образования, добытого и слушанием лекций

по психологии, и работой в психологической лаборатории, не только для будущих психиатров, но и для всякого врача вообще, то они смешивают, очевидно, две весьма различные вещи. И это тем более странно, что число специалистов психиатров, которым основательная психологическая подготовка действительно нужна, вряд ли превышает, как известно, несколько процентов общего числа врачей, если даже к психиатрам относить и врачей-специалистов по нервным болезням, интересующихся в известной степени специально психиатрией. Сколь мало лиц среди врачей, поступаая в университет, с самого начала выбирали своей специальностью нервные болезни. Не более велико число тех студентов, которые, избрав вначале какую бы то ни было специальность, впоследствии бывают вынуждены под гнетом обстоятельств отказаться от нее. Неужели же из-за этих немногих все огромное большинство остальных медиков заставить основательно изучать психологию? Ведь если идти навстречу требованию, выраженному в том заявлении, то речь идет о том, чтобы включать психологию в число предметов, обязательных в качестве подготовки для всех медиков.. Невольно вспоминаешь здесь докладную записку, поданную недавно правительству от имени значительного числа немецких физиологов, где требуется повторный экзамен по физиологии включить в число окончательных испытаний для медиков, потому что физиология слишком важная дисциплина для практического врача, чтоб студент мог забывать ее так, как он, к сожалению, слишком часто забывает все другие естественно-научные дисциплины, сдаваемые на первых курсах. Среди аргументов, которыми мотивируют это предложение, мне представляется особенно важным тот, что важное значение физиологии для практики становится ясно молодым медикам лишь во время работы в клиниках. Но в большей еще степени можно то же самое сказать и о психологии. Значение физиологии вырисовывается перед студентом и на первых курсах вследствие тесной связи с физикой и химией – связи, благодаря которой становится ясной и необходимость для врача этих последних дисциплин. Но как может явиться у студента первых семестров интерес к психологии, когда те клинические случаи, которые должны выяснить ему значение психологии, ему совершенно еще неизвестны? Если студент не занимается психологией по свободному выбору – а тогда он не нуждается и в экзаменационном прессе! – то он до второго экзамена забудет то, что он по нужде изучал, готовясь к первому. Ввиду этого дело, как это известно всякому, кто хоть несколько знаком с постановкой медицинского преподавания, происходит обыкновенно

так: только в ходе общей клинической практики у некоторых студентов появляется особенно живой интерес к психическим нарушениям, а этот интерес сам собой вызывает интерес и к психологии. Раз же этот интерес налицо, то нет уже нужды ни в каком экзаменационном прессе, который вообще приносит весьма малую пользу, хотя совсем обойтись без него, к сожалению, никак нельзя. Но именно с психиатрией дело обстоит особенно благоприятно ввиду того, что здесь выбор профессии оказывается необходимым к концу пребывания в университете, так что тот, кто ее избирает, в большинстве случаев оказывается ею заинтересованным уже под влиянием изучения психологии. Философия, как известно, вовсе не должна необходимо быть философией университетской – Шопенгауэр, как известно, именно последнюю не очень-то высоко ценил; вполне таким же образом дело обстоит и с психологией. Психиатр, изучающий эту последнюю по свободному выбору, имеет в своем распоряжении гораздо более богатый материал для наблюдения – и при существующих в данное время условиях, – гораздо больше вспомогательных средств, чем специалист-психолог. Вследствие этого действительно трудно понять, почему больница для душевно-больных не может стать столь же превосходным учреждением для изучения и преподавания психологии, как и университет. И действительно, за последнее время из рядов психиатров вышло, как известно, несколько психологов, которые по самостоятельности и значению своих работ не уступят большинству специалистов-психологов. Но они стали превосходными психологами большей частью из одного свободного интереса к психологии и не получили никакой специальной подготовки в какой-нибудь психологической лаборатории.

Впрочем, принудительный экзамен представляет собою вообще средство сомнительной ценности, а при некоторых условиях он может принести даже больше вреда, чем пользы. Это – факт, нашедший общее признание у всех, знакомых с этим вопросом. Случайно, почти в то самое время, как в заявлении, в котором защищалась самостоятельность психологии, выставлялось требование экзамена для медиков по психологии на первых курсах, в руки мои попала факультетская программа одного превосходного медика, энергично протестующая против перегрузения медиков предметами, совершенно излишними для огромного большинства их потому, что они развились в предметы, которыми обыкновенный практический врач не занимается, отсылая соответственных больных к специалистам. Сюда относятся: психиатрия, судебная медицина, гигиена, ушные болезни,

болезни горла и носа. Нужно ли к этому ряду дисциплин, все более и более дифференцирующихся, присоединить еще психологию, за которой должно последовать, если быть последовательным, множество еще других наук? Так, судебная медицина предполагает знакомство с юридическими науками, а гигиена, которая не может, конечно, отсутствовать среди этих новых предметов, предполагает знакомство с вопросами, касающимися народонаселения, технической культуры и т. п. В упомянутой выше программе опытный клиницист знакомит с последствиями такого перегрузения учащихся лекциями, практическими упражнениями и государственными экзаменами. Получается картина, не только вызывающая опасения за будущее, но и констатирующая частичное наступление результатов такого перегрузения и расщепления специальностей. Студент, желающий хоть что-нибудь знать из всех специальностей, в конце концов не знает основательно ничего. В результате – все возрастающая поверхностность, от которой в одинаковой мере страдают как врачебная профессия, так и публика.

Но к жалобе на недостаток психологической подготовки у медиков различных специальностей присоединяется в программах психологов другая еще жалоба, которая лежит в основе, прежде всего, требования возвысить психологию в ранг самостоятельной частной науки или – как вернее было бы выразиться – ограничить ее роль ролью частной самостоятельной науки.

Мы имеем ввиду ту жалобу, что психолог не может более удовлетворять требованиям, которые ставят ему самостоятельное изучение и преподавание своей специальности, если не освободить его от преподавания и философии. Пред нами старая жалоба на переобременение, выступающая лишь здесь в новой, несколько неожиданной форме. Зародилась она у учеников наших гимназий или их родителей, весьма чувствительных к страданиям своих отпрысков, и постепенно перешла к студентам высших учебных заведений; теперь ею заразились даже и философы, как не-психологи, так и психологи. Должен сознаться, что я не очень-то симпатизирую в этом отношении ни ученикам, ни их родителям. В моем собственном опыте я почти не знаю ни одного случая, когда бы эта жалоба оказалась основательной – при том условии, разумеется, что ученики обладают достаточными дарованиями, необходимыми для достижения цели, которую ставит высшее учебное заведение. Что же касается тех, которые такими дарованиями не обладают, то для них лучше будет, мне кажется, избрать другую профессию, вместо того, чтобы принижать уровень знаний, даваемых таким учебным заведением, до недостаточных дарований

некоторых отдельных его питомцев. К сожалению, я не могу признать основательной и жалобу психологов на переобременение, хотя здесь в основе жалобы лежат, разумеется, другие мотивы. Очевидно, что здесь в основе жалобы лежит не желание вообще отделаться от работы, а скорее другое желание – более совершенным образом удовлетворить тем возросшим требованиям, которые ставит отдельному ученому прогресс науки. Но я считаю неправильным путь, здесь предложенный, ибо он повел бы к отделению психологии именно от той области науки, без которой она обойтись не может. Посмотрите только на психологическую литературу последних лет! Если выделить из чисто экспериментальных работ протоколы и таблицы опытов, которыми эти работы снабжаются часто в невероятно обильных размерах, то сочинения и статьи, авторы которых вторгаются в области метафизики и теории познания, составят почти половину всей психологической литературы. Вопросу об отношении между телом и душой, «психофизическому параллелизму», применению принципа энергии в области душевной жизни, сущности интеллекта и воли, вопросу о том, в какой мере память зависит от материальных процессов, как и многим другим вопросам, которые всякий признает за проблемы, в равной мере психологические и философские, посвящены многочисленные работы, написанные как экспериментальными психологами, так и философами. Какое множество диссертаций написано на тему о «психофизическом параллелизме», столь излюбленную молодыми учеными, по-видимому, как гимнастика ума!

Но обязаны ли эти диссертации своим появлением более философам или психологам, мне трудно решить. Но несомненно одно: весь характер современной психологической литературы свидетельствует о том, что полное отделение эмпирической или экспериментальной психологии от философии произошло уже в науке само или, по меньшей мере, предстоит в ближайшем будущем.

Указывают, конечно, и на то, что психолог и в будущем может, если захочет, заниматься философскими проблемами и даже читать лекции по философии, как это может делать всякий человек. Но кто это утверждает, забывает о том тесном взаимодействии, в котором находятся самостоятельная работа научного исследования и преподавание. Как ни мало связана с академическим преподаванием именно философия, тем не менее, и здесь для университетского преподавателя весьма полезно, когда он знакомит тесный круг своих слушателей с плодами своей работы и размышлений прежде, чем предложить их вниманию более широкого круга читателей: лекции эти оказываются

весьма благотворными для дальнейшей его работы. С своей стороны, я должен открыто заявить, что я ни одной более или менее крупной философской работы не отдавал в печать прежде, чем проверить ее на академических лекциях. Сюда, однако, присоединяется еще одно роковое заблуждение. Возможно, что сейчас же после официального отделения психологии от философии профессор философии отнесется спокойно к тому, что психолог продолжает, как и раньше, читать лекции по философии. Но ведь это – общеизвестный факт, что академические преподаватели в большинстве случаев смотрят на специальности, по которым они обязаны читать, как на свою неотъемлемую собственность. Вряд ли поэтому удастся избежать случаев, когда философ будет протестовать против психолога, который вторгнется в его область, как, например, физик протестовал бы, если бы химик захотел читать в том же месте лекции по экспериментальной физике, в особенности, если этот химик придерживается взглядов, диаметрально противоположных взглядам физики. Но забудем об этом, допустим, что в академическом мире начинает веять дух терпимости, какого до сих пор, к сожалению, не было. В таком случае студенты, на которых преподаватели, производящие экзамены, оказывают, как известно, огромное притягательное действие, позаботятся уже о том, чтобы психологу надоели предметы, чтение по которым на них официально не возложено. Ибо не менее общеизвестный факт, что склонность читать лекции значительно ослабляется по мере уменьшения числа слушателей.

Наконец, жалоба на переобременение экспериментальных психологов связана, мне кажется, с другим еще заблуждением. Указывают на усиление потребности в знании психологии и в таких специальных областях, в которых этой потребности до сих пор не было. Допустим, что под действием этой потребности число медиков, юристов и, может быть, даже филологов на лекциях по психологии в будущем возрастет, допустим даже, что некоторые из этих чужаков забредут даже в психологическую лабораторию. Допустим даже, что странная мысль об обязательном экзамене по психологии, как он проектировался, например, для медиков, привела бы к некоторому увеличению еще числа этих вынужденных слушателей. Почему же это должно привести к значительному переобременению профессора психологии? По-видимому, здесь рассуждение от обратного. Предполагается, что увеличению [...] чение работы профессора психологии, а между тем здесь нет никакой связи, а если она и есть, то связь весьма небольшая. Если, вместо ста студентов, лекции по психологии слушают

двести, то число студентов действительно возросло вдвое, но работа доцента ничуть не возросла, его работа стала выгоднее, но не больше. В частности, ему вряд ли придется по этой причине более или менее значительно увеличить число своих лекций и упражнений. Ввиду этого может возникнуть опасение противоположного характера, а именно: если профессору психологии придется добровольно или невольно отказаться от участия в философском преподавании, то не получится ли слишком большой досуг у него? Возьмем в качестве масштаба современное положение вещей, допустим даже, что требования на преподавание психологии в будущем значительно еще возрастут. Тем не менее вряд ли психологу придется прочитать более одной лекции в год на тему, касающуюся всей области психологии. Повторять эту лекцию каждый семестр вряд ли будет для него самого желательно – ввиду отупляющего действия таких вечных повторений, и вряд ли это потребует ввиду ожидаемого числа слушателей. Допустим поэтому, что психолог в течение зимнего семестра читает четырехчасовой курс по психологии. Летом он или совсем свободен, или читает небольшой курс на ту или другую специальную тему по психологии. Так как, однако, такие специальные лекции весьма мало или даже вовсе не посещаются, то такой курс будет объявлен, вероятно, только в некоторых из более крупных университетов. Сюда следует прибавить еще занятия в семинариях, которые в самом лучшем случае вряд ли отнимут более пары часов в день, но в большинстве случаев не более нескольких часов в неделю. Вряд ли кто-нибудь не согласится с тем, что такие требования от профессора значительно ниже тех средних требований, которые предъявляются в настоящее время профессорам других кафедр на философском или каком бы то ни было другом факультете.

Наконец, некоторые предлагают для того, чтобы увеличить число студентов, занимающихся психологией, включить этот предмет в число предметов государственного экзамена для представителей некоторых специальностей. Предлагающие это забывают, очевидно, что психология – по крайней мере в настоящее время – вовсе не является такой твердо установившейся наукой, чтобы могли быть выставлены определенные, одинаковые для всех требования, которые профессор мог бы предъявить всем экзаменующимся, из какого университета они не явились бы. Если из множества оттенков в изложении философии выделить наиболее распространенные, мы получим три направления: ассоциационную психологию, так называемую «апперцепционную психологию» и современную, так называемую «психологию интеллекта» (*Denkpsychologie*). Общеизвестное понятие

ассоциационной психологии вряд ли нуждается в дальнейшем выяснении. Нуждается в таком разъяснении скорее термин «апперцепционная психология». Но здесь достаточно будет сказать, что этим термином обозначается, большей частью, то направление психологии, которое считает понятие ассоциаций в его обычной форме относимой к готовым и сравнительно неизменным представлениям, в корне ошибочным и нуждающимся в более глубоком анализе и, кроме того, для объяснения комплексных психических функций привлекает известные элементы, проявляющиеся преимущественно в процессах воли. «Психологией интеллекта», наконец, было в последнее время названо направление, занимающееся преимущественно изучением сложных интеллектуальных процессов логического мышления, и самый характерный признак этого направления состоит в том, что оно пытается и эти процессы исследовать экспериментальным путем. Понятие эксперимента употребляется здесь не в обычном, а в отличном от него значении. Так, например, любой вопрос, на который должно ответить испытуемое лицо, рассматривают, как вызванное в его сознании раздражение, а ответ – как реакцию на это раздражение. Допустим теперь, что студент, слушавший лекции у сторонника ассоциационной психологии, вынужден экзаменоваться у сторонника апперцепционной психологии. Последний, вероятно, найдет его познания весьма недостаточными. Точно так же вряд ли выдержит свой экзамен у сторонника ассоциационной или апперцепционной психологии студент, слушавший лекции у сторонника третьего направления, а у последнего, вероятно, срежутся слушатели первых двух направлений. Можно на это, конечно, возразить, что и в смысле философии дело обстоит не иначе. И я не стану против этого возражать, поскольку речь идет о таких систематических предметах, как метафизика, этика, теория познания и т. д. Но есть одна область, свободная от этой относительности: история философии. И каждый справедливый экзаменатор, когда к нему явится на экзамен студент, не совсем знакомый ему, станет задавать ему только вопросы, относящиеся к названной области. Мне могут ответить на это, что в будущем и в психологии дело будет обстоит иначе, так как она старается все более и более пользоваться точными методами. Но в таком случае уместно подождать этого будущего, которое покуда еще очень далеко, со своими преобразованиями в деле преподавания психологии, раз в настоящее время почти совершенно отсутствует самая необходимая для этого предпосылка – существование одного общего для всех учебного материала. Мало того, если принять в соображение те об-

щие проблемы психологии, о которых мы говорили выше и которые и в настоящее время, как всегда раньше, играют выдающуюся роль в психологической литературе, нельзя не усомниться в том, наступит ли когда-либо такое единодушие, которое создает общую основу для различных воззрений. Что же остается, когда отбрасывают именно то, что представляет наибольший интерес для учащихся и наиболее важно для общего психологического образования? Неужели же довольствоваться парой – другой заученных наизусть чисел и эмпирическими законами, допускающими несколько толкований, если и не совсем спорными? Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии. Тот упрек, который некоторые философы выдвигают против нее в настоящее время без всякого основания, а именно, что она скорее техническая, чем чисто научная дисциплина, может тогда в ужасающих размерах превратиться в действительность. Если же затем с прогрессивным разделением труда один психолог станет исключительно заниматься вопросами памяти и целесообразных методов заучивания наизусть, другой – опытами по различным реакциям и индивидуальным различиям в них, третий – определением порогов раздражения, четвертый – опытами по вопросам мышления и т. д., тогда, действительно, наступит пора, когда психологи превратятся в ремесленников, и ремесленников вовсе не самого полезного типа.

Но что же вы скажете об Америке? спросит нас, может быть, один из психологов, требующих во чтобы то ни стало отделения психологии от философии. Какое значение могут иметь эти возможные, хотя и далеко еще не воплотившиеся в действительность последствия пред лицом того гигантского развития, которого достигла экспериментальная психология в Америке в течение немногих десятилетий? А ведь там эти успехи были достигнуты с самого начала на основе строгого отделения – в особенности, в крупных университетах – психологии

от философии. Мне совершенно чуждо, разумеется, желание оспаривать великие заслуги американцев в деле развития нашей науки. Если число психологических лабораторий в Северной Америке в настоящее время чуть ли не в десять раз больше их числа во всей Европе, то ведь даже среди этих немногих, некоторые в особенности, например английские и французские, вряд ли существовали бы, если бы не эти успехи американцев. Но не следует же забывать, что именно в университетском деле существуют большие различия между различными странами, отчасти объясняющиеся различными историческими условиями, но главным образом соответствующие существенно различным условиям общей духовной культуры страны. Именно поэтому, надо думать, сенат города Гамбурга, не без основания, отклонил возникший было проект преобразовать гамбургскую высшую школу отчасти по американскому образцу. Задуманный «колониальный факультет» вообще никакого прототипа не имеет, а представляет собой специфический гамбургский продукт, и в действительности это – факультет, как известно, скорее мнимый, чем действительный, так как коллегия преподавателей принадлежит, главным образом, к другим факультетам, да и лекции, которые они читают, являются вместе с тем лекциями и этих других факультетов. То, что мы сказали об университете в целом, относится в общем и к отдельным предметам и в наиболее сильной степени к тем из них, которые, подобно философии, находятся в наиболее тесной связи с различиями национальных интересов. У нас психология, оставаясь верной своему происхождению из философии, представляет собой и в настоящее время область теоретического преподавания и исследования, и никто, знакомый с существующим положением вещей, не может пожелать, чтоб это стало иначе, несмотря на весь все возрастающий интерес, который возбуждают применения психологии к педагогике, психиатрии и т. д. Слишком много у нас чисто теоретических проблем, чтобы мы могли забыть о них ради этих практических применений. Совершенно при других условиях развивалась в Америке экспериментальная психология. С одной стороны, значительно содействовала отделению психологии от других философских областей постановка преподавания в американских университетах, из которых менее крупные более или менее приближаются к нашим средним школам, а более крупные близко подходят к типу английских университетов: школьный характер преподавания, да и пример английских университетов вообще содействовали более строгому размежеванию отдельных дисциплин. С другой же стороны, практический ум американцев с самого же начала извлек из нового

экспериментального направления в психологии то, что у нас пришло, собственно говоря, в конце: практическое и прежде всего педагогическое его значение. Этим объясняется тот факт, что в то время, как у нас экспериментальная педагогика составляет область применения психологии, в Америке, наоборот, психология скорее играет подготовительную роль для педагогики. Отсюда вовсе еще не следует, разумеется, что в Америке нет ученых, занимающихся теоретическими проблемами; нет, их очень много и они занимаются ими ревностно и с успехом. Весьма процветают там наука о языке, этнология, самые различные области естествознания, но и психология насчитывает целый ряд весьма даровитых представителей. При всем том именно педагогический интерес, которым проникнут в Америке весь образованный мир и который составляет одну из лучших сторон американской культуры, не мог не придать свое специфическое направление экспериментальной психологии, заимствованной извне и затем самым ревностным образом самостоятельно разрабатываемой. Весьма сомнительно, нашла ли бы новая психология столь быстрое распространение и такое множество блестящих представителей в новом мире, если бы не этот педагогический интерес. Однако этими же обстоятельствами обуславливаются и фактические границы для ее развития, и без того вызванные упомянутой постановкой преподавания в высших школах. Мне не раз приходилось слышать, как американцы удивлялись тому, что наши лекции по философии слушают не только все группы так называемого философского факультета, но и юристы, медики и теологи, и что кое-кто из них работает даже в психологической лаборатории. В Америке лекции по психологии слушает будущий преподаватель или вообще человек, интересующийся специально педагогикой. Психология есть предмет специальный, которым представитель другой специальности, кроме педагогики, обыкновенно вовсе не интересуется. Этим объясняется, конечно, и тот факт, что в то время, как в Германии интерес к психологии заметно возрос в кругах, занимающихся изучением языкознания, науки о религии, этнологии, вообще дисциплин, соприкасающихся с психологией народов, в Америке ничего подобного не заметно. Поэтому нам совсем не следует, мне кажется, подражать американцам заимствовать у них то, что возникло там при совершенно других, чем наши, условиях, что представляет собой выражение чисто американской культуры, но что у нас совершенно не может привиться, как не могли бы привиться и некоторые другие стороны американской жизни.

IV

Если философы называют психологию просто «экспериментальной психологией», то их до некоторой степени можно понять, если принять в соображение невысказываемое желание некоторых из них возможно подальше удалить психологию из сферы философии. Но если сами психологи говорят о ней, как о дисциплине, исключительно экспериментальной, то это труднее понять. Существует же – и именно психологи должны были бы это знать! – одна область, которую принято называть «психологией народов», и которая даже выделила уже из себя некоторые отдельные, более специальные области, как психология языка, психология религии, психология общества и т. д., – область, изучаемая не только специалистами-психологами, но и представителями других научных областей, как наука о религии, социология и т. д. Участие психологов в этой работе желательно, очевидно, и даже необходимо не только потому, что они обладают гораздо более многосторонним, чем представители тех научных дисциплин, знакомством с более элементарными душевными явлениями, но и потому прежде всего, что высшие душевные функции человеческого сознания могут быть изучены – в этом нет ни малейшего сомнения! – только на основе этих общих явлений духовного развития. Психология мышления, например, без основательного углубления в психологию языка есть вещь невозможная, и это должно стать ясно каждому психологу в такой же мере, в какой специалистам по языкознанию давно уже ясна стала безусловная необходимость психологии для их целей. Было бы, конечно, грубым заблуждением смешать здесь само мышление с его проявлением в языке: это проявление есть в такой же мере симптом психических процессов, как мышечные сокращения представляют собой для физиологов симптомы процессов, происходящих в нервной системе. Но это различие между симптомом и самой функцией вовсе не обязывает нас отвлекаться от проявлений функций вообще. Кто же это делает, подобен физиологу, кто захотел бы изучать процессы иннервации, не обращая никакого внимания на явления, вызываемые этими процессами в периферических конечных аппаратах нервной системы. Здесь перед нами то роковое влияние, какое может иметь слово, применяемое за пределами той области, где оно сохраняет свое значение. Если более элементарные области психологии называть «экспериментальной психологией» и усматривать в ней важный отличительный признак от более старой психологии, которая не пользовалась этим вспомогательным средством, то это, конечно, вполне

правильно. Но если всю психологию называть экспериментальной, то это столь же несомненно неверно, потому что есть области, по природе своей недоступные эксперименту. Сюда относится прежде всего развитие мышления, и сюда же относится также целый ряд дальнейших, связанных с ним, проблем развития, как, например, проблема развития художественной фантазии, мифа, религии, нравов. Было бы, конечно, неопасно, если бы психологи называли всю науку свою в целом, как это и происходило первоначально, именем, характерным для важнейшей части их методов. Как это показывают некоторые примеры, часто происходит не то, а название совпадает у них с самим делом. Они называют себя экспериментальными психологами, и на этом основании чувствуют себя вообще свободными от обязанности посвящать свое внимание областям, выходящим за пределы эксперимента, или же – что еще хуже – они и к их изучению применяют метод экспериментальный. Так зародилась так называемая экспериментальная психология интеллекта. Самый обычный ее метод заключается в том, что при помощи вопроса, утверждения или какого-нибудь необычайного действия вызывается в «испытуемом лице» некоторый процесс мышления, который и регистрируется; если же никакого процесса мышления нет, то об этом размышляется, и это размышление о деле выдается за само дело. Вряд ли стоит доказывать, что эксперименты в таких опытах вообще не представляют собою экспериментов в научном смысле. Но они получаются, как естественный результат, раз эксперимент применяется к проблемам, к которым он, по сути вещей, вообще неприменим.

Намеренная абстракция от проблем, относящихся к психологии народов, или аннексия их экспериментальной психологией оказывается весьма кстати для тех, кто утверждает, что экспериментальная психология не зависит от философии, когда они прибегают к помощи прагматической максимы, столь распространенной в настоящее время у философов и у психологов: приемлемо всякое допущение, если только оно практически полезно. Пусть, однако, пытаются этим способом удалить препятствия, которые создают вокруг основных проблем психологии теория познания и метафизика, но с проблемами духовной жизни общества, которые ведут же вместе с тем в гущу практических применений психологии, дело обстоит совершенно иначе. Как устранить контакт между психологией религии и философией религии, между психологией нравов и этикой? Если размежевание с теорией познания есть начало всякой научной психологии, не желающей остановиться на случайно скомбинированных наблю-

дениях, то, в конце концов, психология тесно соприкасается с теми дисциплинами философии, и только это дает ей право претендовать на значение основы всех наук о духе. Правда, кое-кто утверждал, что именно то, что психология собирается сделать, а именно, отделиться от философии, произойдет в более или менее близком будущем и с теми специальными областями философии: этика вместе с социологией и философией права станут частной областью юриспруденции, философия и психология языка станут частной областью грамматики и истории языка, а философия и психология религии станут неразрывной частью теологии. Если этой программе суждено когда-либо осуществиться, то это будет, конечно, самым крайним осуществлением принципа разделения труда, и вместе с тем нанесет смертельный удар тому принципу совместной работы наук, защиту которого – в противовес принципу разделения отдельных задач – философия считала своим специальным призванием. Тогда, конечно, сама философия станет специальной дисциплиной, а бывший философ станет абстрактным гносеологом и сможет в одинокой тишине отдаваться свободным от всяких предпосылок умозрениям, совершенно не интересуясь развитием положительных наук. Само собою разумеется, что тогда обе стороны не станут более жаловаться на слишком большое обременение. Но, конечно, вряд ли тот или другой будет в состоянии отделаться от вопроса: что же собственно такое теория познания, если она совершенно не интересуется действительным содержанием и методами научного познания, и какая цена психологии, которая знать ничего не хочет о важнейших проявлениях душевной жизни человека?

Следует думать, что подобные последствия совершенно не желательны для большинства сторонников отделения психологии от философии, будь то философы или психологи; но они должны наступить, по меньшей мере, в некоторой части своей: этого требует неумолимая логика самих фактов. Именно тем, что она является частной наукой философии и вместе с тем также эмпирической наукой о духе, психология ценна для философии и для эмпирических частных наук, являясь самым главным соединительным звеном между ними. Легко поэтому может случиться, что когда желание философов и психологов исполнится и психология будет выделена из философии, обе стороны окажутся в положении пары из сказки о трех желаниях и будут страстно стремиться к восстановлению старого *status quo*.

Итак, единодушное требование обеих сторон, исходящих, правда, из прямо противоположных мотивов, не послужит на пользу ни той,

ни другой стороне. Но нельзя отрицать того факта, что с новейшим развитием наших университетов возникли бедствия, устранение которых весьма желательно, но, конечно, совсем другим путем, а не предложенным отделением психологии от философии. Прежде всего нельзя отрицать того, что с огромным ростом философских факультетов и расширением областей философских в тесном смысле наличное число преподавательских сил в этих областях оказалось недостаточным. Этот недостаток может быть устранен двумя путями, которые и осуществляются уже отчасти в некоторых университетах. Один состоит в увеличении числа ординарных профессоров философии; другой, легче осуществимый, и потому более нам близкий, заключается в привлечении к преподаванию некоторых предметов – экстраординарных профессоров, с представлением им участия также в государственных экзаменах и экзаменах на звание доктора. Среди нашей более молодой доцентуры замечается в настоящее время стремление к расширению своих прав за пределами права читать лекции и руководить упражнениями в определенных областях. Плохо в этом движении то, что на первый план не выдвигается готовность взять на себя и обязанности, без которых всякие права, хотя бы, например, право участия в собраниях факультета, были бы ведь только правами мнимыми. Право и обязанность неразрывно между собою связаны и в академической жизни. С другой стороны, профессора, и в особенности профессора философии, постоянно жалуются на переобременение экзаменами и оценками диссертаций. Чего же лучше? Можно удовлетворить обе стороны, если привлечь к участию в этих работах старших и наиболее опытных экстраординарных профессоров. Вместе с тем, им же следует поручить преподавание тех предметов, которыми ординарные профессора мало или вовсе не занимаются. Этим будет достигнута двойная выгода: во-первых, освобождение академических преподавателей от побочных работ, что даст им возможность заняться свободной научной работой, которой должен заниматься всякий, желающий двигаться вперед; и, во-вторых, большая многосторонность самого академического преподавания, обусловленная привлечением большого числа преподавательских сил.

Второе бедствие наших университетов заключается в том, что при назначении на философские кафедры нередко упускается из виду необходимость взаимного дополнения предметов преподавания. Больше всего повинны в этом бедствии сами философские факультеты и прежде всего их советники, профессора философии: когда

какой-нибудь коллега их оставляет университет, они стараются привлечь ему заместителя, придерживающегося тех же взглядов, того же направления, а потому и предпочитающего и те же предметы преподавания. Отсюда – множество школ местного значения или, по меньшей мере, покровительство односторонним направлениям. Этому отчасти может уже помочь привлечение экстраординарных профессоров к регулярному преподаванию, но еще больше – целесообразное распределение главных предметов преподавания между ординарными профессорами, не связывая с этим, конечно, ограничения одними этими главными предметами. В крупных университетах потребуется не менее трех ординарных профессур: одна – для систематических предметов, другая – для истории философии, а третья – для психологии; однако историку должно быть предоставлено право заниматься и систематическими предметами, а психологу – систематическими и историческими. Тогда само собой получится необходимая многосторонность направлений, до известной степени связанная всегда с теми главными областями. Ведь у историка будет в большинстве случаев несколько другое отношение к систематическим проблемам, чем у чистого систематика, и в еще большей степени этого следует ожидать у психолога. Сколь плодотворно может стать такое многообразие, обусловленное целесообразным распределением учебного материала, показывает пример некоторых высших школ, в которых такое гармоническое взаимодействие существует уже много лет, к пользе учащихся, да и самих преподавателей. В менее крупных университетах будет достаточно одного ординарного и одного экстраординарного профессора, если только предоставить последнему необходимое участие в упражнениях и испытаниях, как и специальные средства преподавания, необходимые в его области. Что же касается жалоб как философов, так и психологов на то, что конкуренция с представителями других областей уменьшает шансы молодых доцентов по философии и психологии на дальнейшее движение вперед, то и в этом отношении мой план принесет, по меньшей мере, не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки.

* * *

Вряд ли следует опасаться, что правительства поторопятся удовлетворить требование психологов и философов о выделении психологии из философии. В теории такие планы радикальных реформ

осуществляются гораздо легче, чем на практике, и практик в гораздо более сильной степени чувствует себя обязанным обсудить последствия таких мер со всех сторон, чем теоретик, который легко может не заметить именно те возможные последствия, которые оказываются в противоречии с его собственными желаниями. Но допустим, что правительства обнаруживают готовность пойти навстречу этим желаниям. Вряд ли кто-нибудь даже из среды подписавших заявление о необходимости выделения психологии из философии надеется на то, что сейчас же во всех немецких университетах будут учреждены самостоятельные кафедры по психологии, снабженные всеми необходимыми лабораторными средствами. Всем достаточно хорошо известно, что в Пруссии, например, в настоящее время насчитывается не более четырех-пяти весьма скромно оборудованных психологических лабораторий, среди которых некоторые представляют лишь одно собрание демонстративных приборов. В Гейдельберге и Фрейбурге и, насколько я знаю, также в Тюбингене и Гене таких лабораторий совсем нет. Бавария имеет только один такой институт, и второй учреждается в Мюнхене. Трудно допустить, что при таких условиях немецкие правительства сейчас же дадут средства для устройства лабораторий огромному большинству университетов, которые до сих пор были совершенно лишены их. Это тем менее вероятно, что философ, который до сих пор преподавал психологию и руководил семинарией по психологии в качестве предмета побочного, удовольствуется гораздо более скромными средствами для дальнейшего ведения дела, чем чистый психолог. Государство, обладающее более или менее значительным числом университетов, захочет, вероятно, сначала устроить лаборатории в некоторых из наиболее крупных университетов, чтоб проверить, насколько реформа полезна, а не станет устраивать лаборатории сразу во всех высших учебных заведениях. Но только энтузиаст, потерявший под ногами почву действительности, может прельщаться себя надеждой, что проба, произведенная таким образом, увенчается успехом и поведет к основанию дальнейших психологических лабораторий. Человек же опытный, знающий современное положение вещей – а строим же мы свои планы о будущем на основе настоящего! – знает, что самая существенная часть работы психологов связана в настоящее время с тем, что он в лекциях, как и на государственных экзаменах и на экзаменах на звание доктора, выступает как философ. Поэтому если психологию изолировать, то она неизбежно превратится в предмет побочный. Так, вряд ли кто-нибудь решится включить ее, например, рядом с философией в число обязательных

испытаний для наших учителей средних школ как так называемый «образовательный предмет». Столь же невозможно поставить ее наряду с философией, предоставив экзаменуемому выбор между ними. Кроме того, и само по себе ясно, что если бы на время и, вероятно, на долгий срок ограничить преподавание экспериментальной психологии не многими высшими учебными заведениями, то это значительно понизило бы интерес к ней. Поэтому если бы правительства учредили на пробу только несколько самостоятельных кафедр по психологии, то очень скоро эта проба, по всей вероятности, была бы признана неудавшейся. Несомненно, однако, то, что самой психологии это не принесло бы никакой пользы, а наоборот, нанесен был бы сильный удар. Ибо, если верно то, что невысказанным мотивом в заявлении философов было слишком одностороннее занятие экспериментальной психологией, порой действительно превращающееся в работу ремесленника, то этому вырождению в ремесло ничто не может содействовать в более сильной степени, чем это предложенное отделение психологии от философии. Если поэтому философы действительно одушевлены теми благожелательными чувствами по отношению к психологии, о которых говорится в заявлении, то они должны предложить как раз обратное тому, что они на самом деле предложили, и везде, и всегда и сами действовать в том же направлении. Не следует даже допускать к экзаменам такого кандидата, который является простым экспериментатором и не обладает достаточно основательным психологическим и философским образованием. Далее, философы, как и психологи, сами должны влиять в том направлении, чтобы факультеты предлагали на вакантные философские кафедры, с которыми связано и общее преподавание психологии, только таких лиц, которые вместе с тем могут явиться деятельными и самостоятельными работниками и в философии.

Пер. Г. Котляр